

Ералаш. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Ералаш. Максим Горький

Прошла по полям весна, оставив за собою голубые следы - лужи талого снега; расковала речку Студенец, бежит речка мимо села Тулунги, закидывая на черный масляный берег цепкие волнишки, смывая сухие стебли подсолнухов, в мутной воде кувыркаются мохнатые комья корней.

Тепло вздыхает ветер, стремясь за рекой, покрывая воду золотистой рябью; на берегу покачиваются таловые кусты, распуская почки, некоторые уже раскрылись, - на солнце трепещут желтоватые мотыльки новорожденных листьев.

Над бархатом черных полей, над серебряными пятнами луж стоит голубоватый парок, - влажное дыхание оттаявшей земли. Круг земной свободен, широк, уютно накрыт шатром небес; над селом и полями царствует апрельское солнце, - небо расцвело огненным цветом. Полдень; тепло и радостно.

За рекою, на взгорье, празднично высветлилось богатое село; на одном его конце встала в небо колокольня, - плавится на солнце золоченый крест; на другом, красивой булавою, поднят минарет мечети. Вокруг колокольни вьются белые голуби - точно веселый звон превратился в белых птиц. В селе тихо и пусто, - только голуби да колокольный звон, а люди ушли навстречу иконе богоматери, - ее несут в город из древнего монастыря за тридцать верст от Тулунги.

Трое рослых татар, с заступами в руках, молча уравнивают упругую землю - съезд к парому. Один возится на самом пароме, расковыривая ломом доски, еще один - мешая ему - метет паром измыганной метлой, ими тихо командует статный юноша в лиловой тюбетейке - у него очень белое лицо, большие грустные глаза и ярко-красные губы. Я сижу на скамье у ворот постоялого двора, люблюсь тихо-умной работой татар, голубями, - на душе у меня удивительно хорошо, точно я сам сделал всё это: солнце, небо, землю и всё, что на ней. Недурно сделал и тихонько радуюсь.

Постоялый двор держит Устин Сутырин, мещанин из Темрюка, маленький человечек, суетливый, как цыпленок; ему помогает сестра, грудастая мелкозубая баба с плутоватыми глазами, работница, рябая и огромная, и такой же огромный рыжебородый татарин; под этими двумя - земля гнется.

Все они начали шуметь и вертеться с рассвета: пекли, варили, ругались, устраивали столы на улице, под окнами широко развалившейся пятиоконной избы. Я пришел сюда вчера днем, а вечером написал Устину ядовитое прошение на мужиков, которые украли у него жмыхи и убили борова, - прошение очень понравилось Сутырину, особенно пленился он словами: "А посему и принимая во внимание".

- Круто завинчено! - восхищался он, осматривая меня бойкими глазами веселого жулика. - Ты, парень, останься у нас на завтрее, - завтра веселый день у нас, владычицу встречаем, ералаш будет!

Теперь Устин, босой, в синем жилете поверх кумачной рубахи, оводом носится по двору, по улице и командует, сбивая с толка всех своих помощников.

- Ясан, - слепой ты али что? Как ты козлы устави? Тышу лет живете, шайтаны... Дарья, - стой, - куда весы, кто велел?

Со двора павой выходит сноха Устина, Марья, синеокая вдова, - муж ее два года тому назад, в день зимнего Николы, убит в честном бою с татарами на реке Студенце. Вдова одета празднично: на ней синий жакет, желтая, с зелеными цветами, юбка, козловые башмаки с подковами и пунцовый платок на светлых волосах. Устин, поперхнувшись словом, глядит на нее, открыв рот, точно впервые увидел, глядит и восхищенно бормочет:

- Выпялилась, - дама козырей!

И тотчас же неистово орет:

- Куда-те поманило, а?

Надвигаясь прямо на него, она спрашивает сочным голосом:

- Ну, а што?

- Ер-ралаш,- отмахнувшись от нее, кричит Устин и убегает во двор.

Юноша-татарин поправил тюбетейку и вынул из-за пазухи кожаный кисет; женщина, подняв сзади юбку на высоту спины, села рядом со мной, вздохнув:

- Тепло!

О том, кто я, откуда, куда иду,- она выпросила меня еще вчера, и теперь ей не о чем говорить. Сидит и дышит, равномерно приподнимая высокую грудь, синие глаза скошены на татарина, он посматривает на нее и курит маленькую трубочку. Ласково плещется река, звенят невидимые жаворонки. На дворе непрерывно гудит басовитый голос сестры Устина, надывается его тонкий голосок. Среди грязной дороги, на сухом сером островке, сидит собака и, вывесив язык, смотрит, как в зеркало, в лужу. Жарко ей на солнце, а уйти, видимо, лень. Исступленно свистят скворцы, где-то далеко за селом щелкает плеть пастуха, а в селе тонко плачет ребенок. Легко, точно детскую коляску, Ясан выкатил со двора телегу на железном ходу, накрыл ее досками, разостлал на доски рядом и, подняв оглобли, пристраивает к ним весы. Юноша тихонько говорит ему что-то.

- Йок,- мрачно ответил Ясан.

- По-ихнему - ёк, а по-нашему - нет,- просвещает меня соседка и спрашивает работника:

- Чего он?

- Не снай.

- А сказал - нет?

- Ты сам снайт.

- Чего такое? - вдруг, точно с крыши соскочил Устин.

- Нисява.

- Тыщу лет живете, а говорить по-человечьи не можете... Марья, что ж ты сидишь, побойся бога!

- Ну, а што?

- Дак - сахар же надо колоть!

- Наколола уже.

- Наколола, наколола...

Передразнил и убежал, чмокая подошвами по сырой земле. Женщина, усмехнувшись, толкнула меня локтем.

- Ревнуций!

- Ну?

- Бяда!

И, вздохнув, говорит:

- Совсем окаянный. Полугодя не минуло, как сына схоронил, а уж говорит мне: хошь, говорит, жить у меня, дак ты и спи со мной, а нет - уходи... Вон какой!

- Лакомый. Ну, а вы?

- Чего?

- Не ушли?
- Куда?
- К родным?
- Сирота я.
- На работу!
- Из богатого-то дома? Ишь ты...
- Коли не стыдно, так - ладно!
- А чего еще? Иде ж стыд? Тут - скрозь они, снохари. Особо у казаков. У них жалнерки эти - все под свекром.

Молодой татарин идет на паром, женщина беспокойно двигается, толкая меня, хрупко шумит ситец. От ее волос крепко пахнет гнилым жиром,- это, должно быть, помада.

- Хорош молодец,- говорю я о татарине.
- Это который? - невинно спрашивает она.
- А вот, на которого вы смотрите.
- Али я на него гляжу? На что он мне, нехрись!
- Разве вы всегда только на то смотрите, что вам нужно?
- А ведь и то правда! - подумав, говорит она и почтительно заглядывает в лицо мне.- Ну, ну... что значит, когда грамотей! Гляди-ка ты, как...

Вдали, на краю степном, являются, одна за другой, какие-то пестренькие шишки и тихонько катятся по черному бархату земли, непонятно исчезая в светлом блеске луж. Татары кончили работать, пятеро собрались на пароме, юноша незаметно, боком как-то, приблизился к нам.

- Его - Мустафой зовут,- бормочет женщина.- Богатый, у отца маслобойня, жмыхом торгуют, яйца скупают...
- Женат?
- Вдовый, с того года. Женили на малолетке, так она родами и померла.

Распустив толстые губы в улыбку, она говорит:

- Кабы не татарин...
- Что ж тогда?
- Сам знаешь...

Она белая, румяная, сытая. Ее томит весенний хмель, синие глаза подернуты влагой и смотрят жалобно. Весна зажгла в этом полнокровном теле свои жадные стремления - женщина тлеет на солнце, как сырое полено в костре. От нее исходит некий пьяный чад. Не очень ловко мне рядом с ней, но и уйти не хочется. Ей - жарко Медленно расстегивая тугие крючки жакета, она смотрит на свою грудь в броне жесткого ситца и спрашивает меня:

- В твоей стороне татары есть?
- Живут
- Везде они есть! Чать, наших-то все-таки больше, а?
- Побольше А что?

Она сумрачно говорит:

- Уж крестились бы все в одну веру, без забот...
- Для вас какая вера приятнее?
- Своя. Спросил тоже
- Какая - своя?
- Ну - наша! Христова!

Она смотрит на меня сердито и, видимо, хочет сказать что-то неприятное мне, но вдруг лицо ее изменило выражение, и она говорит невесело:

- Вера у нас - лучше, а мужики - хуже. Татаре вина совсем почти не пьют да и не дерутся.
- А многоженство?
- Ну, это старики богатые жадуют, а молодые редко!

Помолчав, подумав - она решительно говорит:

- Бабам это очень мешает - разноверие: татаре, мордва, столоверы разные, штунда.
- Мешает?
- Конечно. Бабам всё мешает.

И, снова помолчав, родит еще мысль:

- Вот говорят: бог для всех один.
- Да?
- А люди - разные.
- Так что же?

Она сердито бормочет:

- Привязался! Что да что...

Молодой татарин кружится по берегу, глядя в землю, точно он деньги потерял и всё ищет их. Он - точно теленок, привязанный невидимой веревкой на невидимый кол. Женщина, исподлобья поглядывая на него, смешно облизывает губы.

На полях теплая черная земля неустанно и обильно родит людей; они являются, точно суслики из нор, и пестрой, рассеянной кучей ползут к селу. Сзади их, далеко, на мутно-синей полосе неба сверкает золото хоругвей, точно вспыхнули какие-то дневные звезды. Течет над землей тихий сочный гул, - от него звон жаворонков становится еще задорнее и радостнее колокольный звон.

Поет земля.

Выскочил Устин, смазанный маслом, в ярко начищенных сапогах, по животу пущена серебряная кучерская цепочка; он смотрит из-под ладони в поле и, без всякой надобности, надрывно кричит:

- Идут! Марфа - идут! Марья, что же ты всё сидишь, а? Ясан, где ж ты? А, господи...

Он весь дрожит, точно лететь собрался, а сзади на него лезет испуганный Ясан и тоже кричит:

- Гирь бул по пуд четыр, бачка, стал - тыри! Куда девал - не снай!

- Бултыри, сталтыри,- орет Устин, топяя ногами,- дьяволы! Тыщу лет живете... Прохожий, вот - гляди: тыщу лет живут!

Со двора вышел черный петух, приподнялся на ногах, взмахнул крыльями и возгласил:

- Реку-у...
- Марья, гони его, задавят!
- Гони сам...
- Отчего?
- Что мне - и в праздник отдыху нет?
- Пропаду я с вами!

К перевозу шариками катятся мальчишки, быстро идут девицы, подобрал юбки до колен, в черных башмаках жирной грязи.

- О всепетая мати,- глухо несется с поля; там, над мохнатыми головами людей, сверкает, ослепляя, квадратный кусок золота, весь облеплен солнцем. Впереди иконы едет седобородый урядник верхом на белом коне, обрызганном грязью.

Краснолицая веселая баба звонко кричит:

- Дядя Юстин, на степи, с версту от балки, мертвяк лежит, совсем раскис...
- А ты - ори больше, дура! Наш?
- Не знай...
- Ну - царство небесное, только и всего... О господи, владыка пресвятая... Марь, становись к весам, гляди в оба. Ясан - где сестра?

Тысячная толпа темным валом катится к речке, готовая запрудить ее, лезет на паром, толкаясь и шумя, над нею колеблется икона, реют хоругви и, золотом в куске черной руды, сверкают ризы священников. Марья стоит бок о бок со мною, крестится, вздыхает, шепчет красными губами:

- Милая, сердешная... спаси-помилуй-сохрани... Мати господня...

И деловито говорит мне:

- Постой у весов с Ясаном, постереги, пожалуйста, как бы гири не украли,- я отбегу на минутку на одну...

Икону внесли на паром, он дрогнул и отделился от берега, разукрашенный ярким ситцем, кумачом и золотом.

- Тиш-ше! - кричит урядник, а монахи, толстые, точно караси, стройно поют:
- О всепетая мати...

На реке, вокруг парома, полощутся яркие пятна отражений, по улице мечется, растопырив крылья, черный петух, дородная Марфа сладко распевает:

- Оладышки да пышки, покупай мальчишки, с патокой да медом...

Сзади меня кто-то говорит вполголоса:

- Лежит он вверх грудью, знаш, голова-то по ухи в земле затонула, а рот раззявил,- таково ли страшно,- беда!
- Эй,- кричит Устин, хватая меня за плечо,- где Марья?

- На пароме, кажись.

- На пароме?

Он смотрит из-под ладони на реку и бормочет:

- Ералаш... А посемену...

Богомолы тесно окружают телегу, на которой Ясан и Марфа торгуют хлебом, баранками, жареным мясом, оладьями; на дворе за столом люди пьют чай, им служит работница, безмолвно, точно немая, а на улице дудят в дудку слепой старик с ястребиным носом, и поводырь его, черноволосый мальчик, звонко кричит:

Ой, дудка моя,

Ух, я!

Весялуха моя,

Ух, я!

Над землей стоит весенний гул, победно звучат голоса девиц и женщин; задорен смех, бойки прибаутки, благозвонно поют колокола, и надо всем радостно царит пресветлое солнце, родоначальниче людей и богов.

Сияет солнце, как бы внушая ласково:

"Прощается, вам, людишки - земная тварь,- всё прощается,- живите бойко!"

Вечер.

С реки веет холодом; мутноокие туманы вздымаются на полях и белой толпою плывут к селу. Из-за края степи выкатился в небо оранжевый жернов луны, заря играет в зеркалах вешней воды. День промчался на золотом коне, оставив в душе моей сладкое утомление, насытив ее радостями,- я точно в бирюльки наигрался,- хорошо! Сижу во дворе, на телеге, сыт по горло, в меру пьян.

Сутырин разлегся на соломе и говорит похмельно:

- Собираются бить меня мужики, а посемену и тебя, наверно, вздуют! Уж спрашивали Степаху, работницу: "который тут у вас прошение составлял?" Чуешь? Тебе бы, того... уйти от греха, к ночи-то...

Молчу, уходить не хочется.

- Дремлешь?

- Нет.

- Выпить мы с тобой можем, однако же! - хвастается Устин и шмыгает носом.- Лешие, положили мертвеца по эту сторону - перевезли бы на ту. Ему в селе место, около сборной, а не подле меня.

В сыром воздухе тошнотворно пахнет гнилым мясом. На селе девки водят хоровод, ясно слышны задорные слова песни:

А кто вдовушку полюбит

Вечное спасенье!

А кто девушку полюбит

Всем грехам прощенье!

- Ф-фу, - вздыхает Устин, - тяжело мне несколько...

Встретив икону, он немедленно и тяжело напился, отколотил сестру, укравшую из выручки два целковых, задавил черного петуха и уснул, но к вечеру проснулся, как

Ералаш. Максим Горький gorkiymaxim.ru
встрепанный, опохмелился и снова беспокоится:

- Марью не видал?

- Нет.

- Врешь!

- Зачем?

- Мало ли зачем! Без вранья не прожить. Человек безо лжи, как петух без перьев, - лысый! Но, подумав, говорит:

- Лысых петухов - не бывает. Сманила меня баба эта, ей-богу! Конечно грех, ну - она вдовая, я - тоже Необыкновенная же до чего! Просто - смерть! А мне, всего-навсё, сорок девять годов... Хороша баба?

- Хороша!

- То-то вот и оно! Дьявол! На село, видно, улизнула. Тут есть один татарчонок... ноги ему перебить надо!

Он выскочил из телеги, точно уколотый, и побежал со двора к реке, растрепанный, нечесанный, с соломой в волосах. Покурив, я тоже пошел за ним, но он уже колыхался посредине реки, в маленькой лодке, часто размахивая веслами.

У парома, на сырой, плотно утоптанной земле лежал мертвец, высунув из-под рогожи ноги в истоптанных лаптях и огромную, с отвалившимся большим пальцем руку; над ним сидел, покуривая трубку, маленький старичок, с палкой на коленях.

- Не признали - что за человек?

Старик помотал головою, указывая пальцами на свои уши. Глухонемой, видно. Паром - на той стороне, лодок нет, - не попадешь в село!

Я пошел берегом против течения реки, подальше от мертвеца, к остаткам моста, сорванного половодьем, сел на сухое место под кустами, думая о жизни. Забавно жить, и отличное удовольствие - жизнь, когда тебя извне никто не держит за горло, а изнутри ты дружески связан со всем вокруг тебя.

Село шумно ликует; слышно, как двое пьяных налаживаются петь; заливчато и звонко хохочет девица, надрывается гармоника, орут мальчишки. Благодушие до того одолевает, что даже спать хочется.

По реке неумело скользит челнок, - точно длинная, черная рыба извивается вперед хвостом. Тихо булькает весло, опускаясь в масляную воду. Добравшись до берега, шагов на десять выше меня, челнок прячется в кусты, и сквозь шорох голых веток о борта я слышу знакомый голос Марьи:

- Иде за гряз по сю пору? Я ждала, ждала...

Кто-то тихонько говорит непонятные слова, и вновь голос женщины:

- У, нехрись! Да постой, не тискай!

Целуются, и так смачно, что, наверно, в селе слышно.

- Ой, Мишенька... Ой, милый, увел бы ты меня куда-нибудь!

"Бедняга", - думаю я о Мустафе, полагая, что Мишенька - это не он, но женщина говорит:

- Хрестись ты, пожалуйста!

- Ныльза!

- А то - пришиби моего-то свинью...

- Гырех пришибать ему...

- Ну, еще... А вот эдак-то, со мной, не грех?

Тихо. Только кусты, колеблемые течением, шуршат о челнок Тяжелая луна, поднявшись на сажень над землей, больше не может и снова опускается к степи, лениво, как Марья.

- Вон Марфа живет же с Ясашкой, а я - хуже ее, что ли? И ты его не хуже.

- Нисява!

- Тебе всё - ничего.

Плеснулась рыба, по звуку - лещ, он всегда шлепается о воду плашмя Паром идет, как будто часть берега оторвалась и островом перегородила Студенец. В селе ударили собаку, она визжит отчаянно и жалобно.

- Кабы извести его, так и Марфа довольна будет, тогда всё хозяйство ей!

- Турма будит, острог тебе!

- Эхма, ведь - как хочешь, а - не доскочишь!..

- Яса-ан,- кричит с парома Сутырин.

В кустах беспокойно завозились, зашептались, а я, повинувшись желанию созорничать, громко говорю:

- Не бойтесь, я его задержу...

- Ух,- испуганно вздыхает женщина, я вижу над кустами белое пятно ее лица.

- Прохожий, ты?

- Я.

- Ой... Господи!

Я иду прочь, но через несколько шагов она догоняет меня и, застегивая на ходу кофту, заправляя под платок волосы, горячо шепчет:

- Ты уж молчи, милый, я тебе за то полтинку дам, молчи, родной, а?... Ты - молодой, должен понимать, какое это всё... А!..

Уверяю ее, что буду молчать, как мертвец, но говорю:

- Что ж ты, умница, не нашла другого места для эдаких разговоров?

- А ты - не стыди меня,- шепчет баба, прижимаясь ко мне.- Уж, конечно, грешница я... да - сам ты говорил - красивый он! А что татарин - так у нас вон попов сын, доктор, на французинке женат...

- Да я тебе не про это, бог с тобой! А вот уговаривала ты его, чтобы свекра пришибить...

- Да какой он мне свекор, коли у меня мужа-то нет? - угрюмо говорит она и вдруг предлагает просто, как работу:

- А может, ты возьмешься, пристукнешь его? Слушай-ко: чего тебе бояться? Сегодня ты здесь, а завтра - никто не знает где. А я бы тебя уж так-то ли поблагодарила! И он тоже,- он, гляди, богатый! А?

Смотрю в ее милое лицо, размалеванное природой самыми яркими красками, смотрю в синие глаза, большие, выпуклые, точно у куклы. Такая лубочная, но чистая красота, сильная и спокойная, как весенняя земля, нагретая солнцем...

- Я такими делами не занимаюсь.

- Да ведь - один раз! - мягко убеждает она.- Стукнул да ушел, только и всего!

- Не подходит это дело для меня, нет!

- Ой, господи! Да ты - подумай...

- Мар-рь! - визжит Устин Сутырин, качаясь в сумраке впереди нас, смачно шлепая по грязи и размахивая руками.

- Это кто? Прохожий? А-а... Ты - чего? Ну - ладно! Я тебе, нижегородской, верю. Ха! А посему и - конечно! Дави их!

Он хорошо пьян, как раз в меру,- удали много, а на ногах крепок.

- Сейчас Коська Бичугин в ухо мне закатил: "Не жалуйся, кричит. Ты нас грабишь, мы не жалимся". Ты меня, прохожий, на нехорошее дело подбил, да! Это, брат, тебе даром не пройдет. Они тебе покажут - Коська с Петром, они тебя угостят тяжелым по мягкому.

- Стой-ка,- говорю я,- да ведь -ты сам же просил меня жалобу написать. Просил али нет?

- Мало ли чего я, по глупости, прошу! А ты - не поддавайся, у тебя плачут, просят, а ты - реви, да не давай! Марь,- так ли?

Он обнял ее за плечи и, увлекая в грязь, на середину дороги, просит:

- Давай запоем, ну!

Закрыв глаза, закинул голову и тоненько начал пронзительным тенором:

Эх да и ой... и вот-а-а...

Марья, положив руку на плечо ему, выгнула кадык, уверенно подхватив хорошим альтом:

Да вот и по дороге - эх...

Верно!

Эй, скрозь висо-okie хлеба...

- Поддерживай, нижегородской. Я татарам не верю!

Шла молодка-а

- поет Марья.

Он-на в синем шушуне - а-э!

У ворот постоянного двора стоит Марфа, упираясь руками в крутые бока, похожая на огромный самовар.

- Эх,- кричит она,- загуляли наши!

На селе визжат, свистят, задорится гармоника, кто-то большой тяжко бьет землю,- гул идет через черную дорогу реки.

За плечом Марфы смущенно улыбается рыжебородый Ясан.

- Родные мои,- растроганно кричит Устин Сутырин,- люблю я вас до конца жизни! Марь,- действуй!

По-над полем, ох...

Золот месяц гуляе-э

Ералаш. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
- поет Марья, - хорошо поет, душевно!

В поле над туманами сверкают звезды, луна коснулась краем до черной степи и замерла, стоит недвижимо, точно слушая праздничный шум милой грешной земли.

Сутырин, захлебываясь воодушевлением, выводит:

Ай да молодка

Путь-дорогу не знае-э-эй!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!